

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕВЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~~~~ Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ пере- **№ 4.** редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с. ~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Января 25-го.

Содержаніе: Иерархическое устройство церкви.—Правила осторожности къ учению о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, наблюдавшіяся въ первенствующей Церкви Христовой.—О развитіи религіознаго чувства у дѣтей.

ИЕРАРХИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЦЕРКВИ ¹⁾.

II. О правахъ, принадлежащихъ различнымъ степенямъ высшей церковной власти.

Высшая церковная власть, сосредоточенная въ апостолахъ, въ ихъ преемникахъ — разложилась на три степени: епископскую, соборную помѣстную и соборную вселенскую. Первая простирается на частную церковь, вторая на цѣлую область церковную, а третья на всю вселенскую церковь. Разсмотримъ права, усвоенныя каждой изъ этихъ степеней.

A. Права соборной власти вселенской.

Власть вселенская, отъ временъ апостольскихъ до нашего времени проявляющаяся въ отношеніяхъ частныхъ церквей между собою, и нѣкогда проявлявшаяся въ торжественныхъ соборахъ пастырей всей вселенной, въ своемъ вѣденіи имѣла и имѣетъ такія дѣла, которыя каса-

¹⁾ См. № 1-я.

ются всей церкви, и въ своихъ дѣйствіяхъ не стѣсняется мѣстными условіями.

Во 1-хъ, въ дѣлѣ учительства. Она, будучи, единымъ непогрѣшимымъ хранилищемъ священнаго писанія и преданія, имѣетъ право опредѣлять канонъ священныхъ книгъ (лаодик. соб. пр. 60) и блюдетъ ихъ цѣлость, угрожая отлученіемъ даже за неосторожное и небрежное обращеніе съ ними (VI всел. соб. пр. 68). Она имѣетъ право рѣшать вопросы и недоумѣнія касательно догматовъ вѣры и издавать для руководства вѣрующихъ символы и исповѣданія вѣры, на основаніи священнаго писанія и апостольскаго преданія, ограждая чистоту христіанскаго ученія анафемою—на неправомыслящихъ. Такъ въ древнія времена, когда кичливый разумъ человѣческой искажалъ своими умышленіями догматы христіанской вѣры о триничности лицъ, о соединеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, о дѣйствіи благодати на падшаго человѣка и объ отношеніи ея къ свободѣ человѣка, о почитаніи святыхъ и иконъ и т. п., вселенская власть составила для употребленія всей православной церкви символъ вѣры и подробное исповѣданіе тѣхъ догматовъ вѣры, которые въ священномъ писаніи ясно и опредѣленно не изложены, а хранились въ священномъ преданіи. Составивъ символъ вѣры, вселенская власть постановила на всѣ вѣка, чтобы въ этомъ символѣ никогда не допускались никакія измѣненія и дополненія. Да не будетъ никому, позволено произносить, или писать, или слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной отъ святыхъ отецъ, въ Никей со Святымъ Духомъ собравшихся» (III вселен. соб. прав. 7). И это опредѣленіе третьяго вселенскаго собора сама вселенская власть всегда такъ строго хранила, что даже, когда въ борьбѣ съ слѣдующими еретиками, нужно было въ символѣ вѣры вставить изъясненія нѣкоторыхъ догматовъ или дополненія, она не рѣшалась на это,

а составляла особенныя изложенія вѣры. А послѣ времени вселенскихъ соборовъ она, вѣрная апостольскому преданію, разъясненному вселенскими соборами, продолжаетъ противоборствовать попыткамъ кичливаго разума, усиливающагося омрачить свѣтъ истины, изобличая въ нихъ повтореніе древнихъ ересей, отвергнутыхъ церковію. Такъ она охраняла и доселѣ охраняетъ чистоту православной церкви отъ заблужденій католичества, протестанства и разныхъ рационалистическихъ обществъ. Напримѣръ — вопреки собору ферраро-флорентинскому, утвердившему соединеніе западной церкви съ восточною, съ измѣной православію, въ церкви восточной составлялись соборы: іерусалимскій, константинопольскій и московскій, и всѣ они единогласно предали анафемѣ ферраро-флорентинскую унію. Также вопреки попыткамъ кальвинистовъ, желавшихъ вовлечь въ союзъ съ собою православныхъ русскихъ, греческихъ и другихъ восточныхъ церквей, составлялись соборы въ Яссахъ, гдѣ присутствовали и представители церкви русской, въ Константинополѣ, Іерусалимѣ, и разоблачили хитрости кальвинистовъ. По временамъ вселенская власть издавала руководства для всѣхъ православныхъ христіанъ, въ предостереженіе ихъ отъ современныхъ заблужденій. Напримѣръ, въ концѣ XVII столѣтія на соборахъ яесскомъ, константинопольскомъ и іерусалимскомъ утверждено для употребленія всей православной церкви *Православное исповѣданіе восточной каволической церкви*, составленное кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилею, въ предостереженіе отъ вреда, наносимаго православію латинянами, лютеранами и кальвинистами. Въ 1722 году три вселенскіе патріарха: Іеремія константинопольскій, Аванасій антиохійскій и Софроній іерусалимскій съ бывшими въ Константинополѣ епископами, сообщили святѣйшему Всероссійскому Синоду соборное исповѣданіе патріарха Досіоея, какъ лучшее обличеніе на нововведенія запад-

ныхъ. Оно извѣстно у насъ подъ именемъ *Православнаго исповѣданія восточныхъ патріарховъ*.

Во 2-хъ, *въ дѣль священнодѣйствія*. — Высшая церковная власть, сохраняя неизмѣнными тѣ только священнодѣйствія, которыя установлены или самимъ Господомъ, или Его апостолами, имѣетъ право вводить новые богослужебные обряды, имѣющіе цѣлю питать и возвышать релігиозное чувство присутствующихъ при богослуженіи — и чрезъ то развивать въ нихъ способность къ принятію сообщаемой въ таинствахъ благодати. Строго храня все богослужебные обряды, освященные древностію, она имѣетъ право одни изъ нихъ измѣнять, а иные и отмѣнять, коль скоро замѣчаетъ несоотвѣтствіе ихъ современному состоянію вѣрующихъ. Такъ вселенская власть утвердила и ввела во всеобщее употребленіе чины божественной литургіи, написанные Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустымъ, которые были нечто иное, какъ сокращеніе древнихъ, употреблявшихся на востокѣ литургій апостола Іакова, Марка, Кирилла іерусалимскаго, отличавшихся обширностію. Она же утвердила литургію преждеосвященныхъ даровъ, написанную Григоріемъ Двоесловомъ, а также и чинопослѣдованія всехъ таинствъ, употребляемыхъ въ православной церкви. Кромѣ того, по временамъ, по мѣрѣ нуждъ церкви, она вводила и въ чинъ божественной литургіи, и въ чинопослѣдованія другихъ таинствъ нѣкоторыя дополненія. Такъ въ чинъ божественной литургіи введены: пѣснь «Единородный Сыне», тропари изъ 3 и 6 пѣсни канона, читаемые предъ малымъ входомъ, пѣснь «Святый Боже» съ молитвою трисвятаго пѣнія «Боже Святый», Херувимская пѣснь, Чтеніе сѣмьслова вѣры, молитвы о ниспосланіи Святаго Духа, «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа», Хвалебная пѣснь Честнѣйшей Херувимъ, пѣсни: «во гробъ плотски», «Благообразный Іосифъ», «Воскресеніе Христово видѣвши», «Свѣтися, свѣтися», «о,

Пасха велія «; пѣснь »да исполнятся уста наша хваленія«. А также утверждала составленные въ разныя времена отцами церкви нѣкоторыя молитвословія, относящіяся къ разнымъ церковнымъ службамъ, опредѣлила порядокъ службъ церковныхъ, суточныхъ и годовыхъ, и приняла въ общее употребленіе составленные отцами церкви уставы. Она же издала много правилъ: касательно мѣста богослуженія, ясно опредѣливъ значеніе священныхъ мѣстъ и то, какія богослужебныя дѣйствія должны быть совершаемы исключительно въ храмѣ, и какія внѣ онаго; касательно времени богослуженія, узаконивъ празднованіе дней въ память событий изъ жизни Господа нашего, въ честь Пресвятыя Богородицы, многихъ святыхъ и опредѣленные сроки постовъ; касательно лицъ, совершающихъ богослуженіе, ясно обозначивъ, какія священныя дѣйствія исключительно совершаетъ епископъ, какія можетъ совершать пресвитеръ, и какія въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть совершаемы діакономъ, клириками и даже міряниномъ. Не мало примѣровъ того, что она измѣнила нѣкоторые обряды и постановленія относительно состава богослуженія, переставляя части богослуженія, сокращая или распространяя ихъ. Такъ проскомидія въ чинѣ литургіи временъ св. Іоанна Златоустаго, служившая переходомъ отъ литургіи оглашенныхъ къ литургіи вѣрныхъ, въ послѣдствіи, когда классъ оглашенныхъ уменьшился, перенесена на настоящее ея мѣсто; также—поученіе въ чинѣ литургіи временъ Златоуста, слѣдовавшее за чтеніемъ евангелія, въ послѣдствіи перенесено къ концу литургіи. Исторія представляетъ немало примѣровъ и того, какъ нѣкоторые обряды совсѣмъ отмѣнялись. Такъ отмѣнена вечеря любви, лобзаніе вѣрующихъ между собою, обычай давать по крещеніи медъ и молоко и т. п.; публичное покаяніе замѣнено частнымъ и отмѣнены на литургіи молитвы за кающихся; приобщеніе мірянъ св. Таинъ—отдѣльно тѣла и крови Христовой за-

мѣнено дріобшеніемъ жицею — купно тѣла и крови Христо-
вой. Но въ то же время церковная вселенская власть строго
слѣдила за тѣмъ, чтобы введенное ею оставалось неизмѣн-
нымъ, запрещая всякія произвольныя нововведенія и вну-
шая представителямъ церкви, что съ произволомъ и раз-
нообразіемъ въ церковномъ порядкѣ утрачиваются древнія,
освященныя преданіемъ, черты его, вкрадываются своеволь-
ныя новости и колеблются установленія церкви, а народъ,
отвыкая отъ единообразнаго твердаго порядка въ такомъ
важномъ дѣлѣ, какъ богослуженіе, приучаясь къ новостямъ
и разнообразію, можетъ только терять благоговѣніе къ свя-
щеннымъ обрядамъ, а не питать ими свое благочестіе (ла-
одик. соб. прав. 18-е). Эта же высшая власть вселенской
церкви имѣетъ право разрѣшать недоумѣнія и споры ка-
сательно совершенія таинствъ и вообще богослужебныхъ
дѣйствій. Такъ въ III вѣкѣ, когда возникло недоумѣніе
относительно чина присоединенія еретиковъ въ церковь и
когда на частныхъ соборахъ были противоположныя рѣше-
нія вопроса, — именно: отцы римскіе говорили, что нужно
принимать безъ крещенія, отцы малоазійскіе и караген-
скіе требовали принимать ихъ подъ условіемъ совершенія
надъ ними крещенія, голосъ вселенской церкви рѣшилъ дер-
жаться середины между этими крайностями, именно: при-
нимать чрезъ крещеніе тѣхъ еретиковъ, надъ которыми не-
правильно совершено оно, а тѣхъ изъ нихъ, надъ кото-
рыми совершено правильно, принимать безъ крещенія. То-
чно также — продолжительные споры между церквами восто-
чною и западною относительно времени празднованія пасхи
рѣшены были на первомъ вселенскомъ соборѣ. Возбужден-
ныя иконоборцами недоумѣнія касательно чествованія свя-
таго креста, иконъ и мощей рѣшены были седьмымъ все-
ленскимъ соборомъ, на которомъ постановлено — всѣ хри-
стіанскіе храмы освящать не иначе, какъ съ положеніемъ

св. мощей подь престоломъ и надь престоломъ (прав. 7-е), святыя иконы чествовать лобызаніемъ ихъ, почитательнымъ поклоненіемъ, оніамомъ и поставленіемъ свѣщей. Вселенскою властію запрещено и ставить ихъ на неприличныхъ мѣстахъ: такъ шестой вселенскій соборъ 73-мъ правиломъ предписалъ: »мыслию, словомъ, чувствомъ поклоненіе кресту принося повелѣваемъ: изображенія креста, начертываемыя нѣкоторыми на землѣ, совѣмъ изглаждать, дабы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ходящихъ«. Вселенская также власть своими постановленіями въ разныя времена опредѣлила характеръ церковной живописи и нѣкоторыя изображенія совѣмъ воспретила, такъ напр., шестымъ вселенскимъ соборомъ запрещено изображать Иисуса Христа въ видѣ агнца: »почитая древніе образы и сѣни«, говорится въ одномъ изъ правилъ этого собора, »преданныя церкви, какъ знаменія и предначертанія истины, мы предпочитаемъ благодать и истину, пріемля оную, яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣмъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ: отнынѣ образъ агнца, вземлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представляти по человѣческому естеству, вмѣсто ветхаго агнца, да чрезъ то созерцаніе смиренія Бога Слова приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленія міра« (пр. 82-е) ¹⁾. Наконецъ, вселенская власть имѣеть

1) Обычай изображать Иисуса Христа въ видѣ агнца установился въ первые вѣка христіанства. Въ то время христіане, по стѣснительнымъ обстоятельствамъ, не могли въ своихъ храмахъ имѣть святыхъ иконъ; но чтобы удовлетворить необходимой потребности во время богослуженія видѣть святыя изображенія, они имѣли символическіе образы, — таковы виноградная вѣтвь,

право разрѣшать мѣстнымъ церквамъ пересмотръ и исправленіе богослужебныхъ обрядовъ и чинопослѣдованій, если отъ какихъ либо обстоятельствъ, отъ бѣдственнойго состоянія или упадка просвѣщенія, или же вліянія еретиковъ и раскольниковъ вкрались въ нихъ ошибки и дополненія, несотвѣтствующія духу православія, — и поражаетъ анаѳемой всѣхъ противящихся мѣстной церковной власти въ этомъ дѣлѣ. Такъ, когда въ русской церкви, въ темныя времена ига монгольскаго, вошло въ богослуженіе множество неправославныхъ обычаевъ и крайне искаженъ былъ смыслъ богослужебныхъ книгъ невѣжественными и суетумудрыми людьми, патріархъ Никонъ, съ соборомъ разсудивъ о необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ, обратился съ вопросомъ объ этомъ къ восточнымъ патріархамъ, — и они разрѣшили начать это необходимое для русской церкви дѣло. А потомъ московскій соборъ, на которомъ присутствовали два восточныхъ патріарха, нѣсколько іерарховъ греческихъ и большая часть русскихъ, одобрилъ исправленіе, сдѣланное Никономъ и осудилъ противниковъ этого исправленія¹⁾. Вообще вселенская власть заботится объ единообразіи богослужебнаго чина во всей православной церкви и, если замѣчаетъ въ какой либо церкви уклоненіе отъ единообразія, немедленно исправляетъ его: такъ пято-

масличная вѣтвь, рыба, агнецъ; послѣдній символъ, какъ имѣвшій основаніе въ ветхомъ завѣтѣ и въ проповѣди Іоанна Крестителя, христіане долго удерживали и послѣ первыхъ вѣковъ.

1) Знаменитый нашъ исторіографъ, архимандритъ Иннокентій дѣлаетъ такой отзывъ объ этомъ соборѣ: «сей соборъ, слагаемый изъ представителей всѣхъ почти православныхъ церквей, по многочисленности іерарховъ, по важности предметовъ и чистотѣ опредѣленія, носитъ печать вселенскаго» (Начертаніе церковной ист. отъ библ. врем. до XVIII в. изданіе 2-е 1821-го г.).

шестый вселенскій соборъ, узнавъ, что въ нѣкоторыхъ церк-
 вяхъ во всѣ дни поста святаго чотыредсятницы соверша-
 лась полная литургія, постановилъ: »во всѣ дни поста св.
 чотыредсятницы, кромѣ субботы и недѣли и святаго дня
 Благовѣщенія, святая литургія да бываетъ не иная, какъ
 преждеосвященныхъ даровъ« (прав. 52-е). А первый все-
 ленскій соборъ, узнавъ, что не повсемѣстно соблюдается
 апостольстїи обычай не преклонять колѣни во дни воскрес-
 ные и дни святой пятидесятницы, постановилъ: »поелику
 суть нѣкоторые, преклоняющіе колѣна въ день Господень
 и во дни пятидесятницы: то дабы во всѣхъ епархіяхъ все
 одинаково соблюдается было, угодно святому собору, да сто-
 яще приносятъ молитвы Богу« (прав. 20). Предоставляя
 каждой мѣстной церкви право вводить у себя новые обы-
 чаи касательно богослуженія, примѣнительно къ мѣстнымъ
 обстоятельствамъ и нуждамъ вѣрующихъ, вселенская цер-
 ковь удерживаетъ за собою право контроля за этими но-
 вовведеніями и, коль скоро замѣчаетъ въ нихъ несогласіе
 съ апостольскимъ преданіемъ и духомъ православія, неме-
 дленно отмѣняетъ эти нововведенія. Такъ запрещенъ вкрав-
 шійся во времена борьбы церкви съ монофизитами обычай —
 прибавлять къ трисвятому: *распныйся за насъ* (VI всел.
 соб. пр. 81-е). Равнымъ образомъ отмѣнены были: обычай
 африканской церкви совершать литургію въ великій чет-
 вертокъ послѣ обѣда (всел. соб. труз. прав. 29), обычай
 нѣкоторыхъ церквей приносить виноградъ къ алтарю и раз-
 давать народу вмѣстѣ съ святыми дарами (того же собо-
 ра прав. 28-е). Такъ еще вселенская церковная власть о-
 судила нововведенія западной церкви относительно употреб-
 ленія опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи, приобщенія мѣ-
 рянъ подъ однимъ видомъ, употребленіе органовъ при бого-
 служеніи.

Въ третьихъ, въ *дѣль управленія церковію*. Въ дѣлѣ

учительства и священнодѣйствія вселенская церковная власть имѣть не такія обширныя права, какъ въ дѣлѣ управленія церковію. Тамъ она хранитъ неприкосновеннымъ—ученіе, переданное самимъ Богомъ, и таинства, установленныя Имъ; и если издаетъ какія либо постановленія относительно ихъ, то такія, которыя клонятся только къ развитію въ членахъ церкви пріемлемости ученія вѣры и благодати, сообщаемой въ таинствахъ и во всѣхъ постановленіяхъ, особенно относительно догматовъ и таинствъ она избѣгаетъ выраженій: »опредѣляемъ«, »повелѣваемъ«; а преимущественно употребляетъ выраженіе: »вѣруемъ или пріемлемъ«, давая тѣмъ знать, что она не новое что либо учреждаетъ, а возстановляетъ преданное Христомъ и Его апостолами. Въ дѣлѣ же управленія церковію, напротивъ—она имѣетъ дѣло съ измѣняющимися житейскими обстоятельствами, примѣнительно къ которымъ и должна раскрывать свою дѣятельность. Вселенской церковной власти въ дѣлѣ управленія церковію принадлежитъ право, во 1-хъ, верховнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ во всѣхъ частныхъ церквахъ и вселенскаго законодательства, во 2-хъ, право окончательнаго, безъапелляціоннаго суда.

Во 1-хъ, вселенская церковная власть имѣетъ право *верховнаго наблюденія и законодательства въ церкви*. Правда, законы, которыми должны руководствоваться вѣрующіе въ достиженіи предназначенной имъ цѣли, находятся въ священномъ писаніи,—но здѣсь они высказаны по духу, а не по буквѣ. Здѣсь касаются они болѣе внутренняго усовершенствованія человѣка, чѣмъ внѣшняго поведенія его и благочинія въ обществѣ христіанскомъ. Разъясненіе основныхъ законовъ управленія, заключающихся въ священномъ писаніи, и способа проявленія высокихъ нравственныхъ предписаній во внѣшнемъ церковномъ порядкѣ и благочиніи—предоставлено апостолами пастырямъ церкви (Тит. 1, 5)

Вселенская церковная власть имѣть право наблюдать, чтобы въ каждой мѣстной церкви соблюдалась высшая соборная власть, какъ отрасль вселенской власти. Такъ она еще до вселенскихъ соборовъ требовала, чтобы въ каждой церковной области два раза въ годъ собирались епископы, весною и осенью, для утверждения благочинія; а на первомъ вселенскомъ соборѣ это требованіе узаконила, какъ непре- рѣжаемое правило: »за благо признано, постановили отцы никейскаго собора, чтобы въ каждой области дважды въ годъ были соборы. Соборы же да бывають одинъ предъ че- тырдесятницею, а другой около осеняго времени (прав. 5-е). Тоже требованіе ясно было высказано и на послѣду- ющихъ соборахъ, какъ-то въ 6-мъ правилѣ втораго все- ленскаго собора, въ 19-мъ правилѣ четвертаго вселенскаго собора и другихъ.

Вселенская церковная власть имѣть право пересма- тривать и повѣрять рѣшенія мѣстныхъ соборовъ. Когда на- ходить опредѣленія ихъ полезными для всей церкви, усво- яетъ имъ вселенское значеніе. Такъ постановленія собо- ровъ—анкирскаго, неокессарійскаго, гангрскаго, антиохій- скаго, лаодикійскаго, сардикійскаго, карфагенскаго, приня- ла во всеобщее употребленіе, запретивъ измѣнять или от- мѣнять ихъ (трул. соб. прав. 2-е). Равнымъ образомъ пра- вила многихъ другихъ помѣстныхъ соборовъ, извѣстныхъ подъ именемъ ихъ предстоятелей, каковы правила: Діони- сія и Петра александрійскихъ, Григорія неокессарійскаго, Аванасія александрійскаго, Василя архіепископа кессарій- каннадокійскаго, Григорія нисскаго, Григорія Богослова, Амфилохія иконійскаго, александрійскихъ: Тимофея, Теофи- ла, Курилла и Геннадія, и Кипріана—архіепископа афри- канской страны, приняты вселенскою властію во всеобщее употребленіе (трул. соб. пр. 2-е). И наоборотъ, если все- ленская власть замѣчаетъ въ постановленіяхъ помѣстныхъ

соборовъ что либо несогласное съ духомъ апостольскаго преданія, то отмѣняетъ даже и мѣстное ихъ значеніе. Не говоря уже о соборахъ еретическихъ, которые со всѣми своими постановленіями подвергаемы были анаѳемѣ, вселенская власть отвергала многія опредѣленія и православныхъ соборовъ,—даже такихъ, постановленіямъ которыхъ сама сообщала вселенское значеніе; такъ напримѣръ—13-мъ правиломъ шестаго вселенскаго собора отмѣнено постановленіе римской церкви. »Поелику мы увѣдали, читаемъ въ этомъ правилѣ, что въ римской церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона, или пресвитера, обязывались не сообщаться болѣе съ своими женами: то мы, послѣдую древнему правилу апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами. Аще же кто, поступаая вопреки апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ лишати союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ«. А 16-мъ правиломъ того же собора отмѣнены постановленія каноническаго собора — неокессарійскаго относительно числа діаконѳвъ въ каждой церкви. Неокессарійскій соборъ, основываясь на книгѣ Дѣяній апостольскихъ (6, 5) и уважая утвердившійся съ давнихъ временъ въ церкви обычай, 15-мъ своимъ правиломъ постановилъ, чтобы въ каждой церкви было только семь діаконѳвъ, какъ бы ни была велика церковь 1).

1) Первые христіанскія церкви, стараясь во всемъ соблюсти преданіе апостольское, простирали свою ревность до того, что не хотѣли увеличивать числа діаконѳвъ. И какъ ни усложнялись съ теченіемъ времени обязанности діаконѳвъ, по причинѣ распростра-
ненія церквей и умноженія новыхъ нуждъ церкви, онѣ все таки

Вселенская церковная власть имѣть право слѣдить за ходомъ дѣлъ церковныхъ во всѣхъ частныхъ церквахъ, подчиненныхъ помѣстнымъ соборамъ. Въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ нерѣдко встрѣчаемъ такія выраженія: «увѣдали», «дошло до слуха нашего», «извѣстились» и т. п. Когда же, при такомъ наблюденіи за ходомъ дѣлъ церковныхъ, вселенская власть узнаетъ о вкравшихся гдѣ либо злоупотребленіяхъ, немедленно пресѣкаетъ ихъ своими каноническими постановленіями. Такъ вкравшійся въ нѣкоторыхъ церквахъ обычай, по которому клирики брали на откупъ имѣнія и вмѣшивались, по сребролюбію, въ дѣла мірскія, запрещенъ 3-мъ правиломъ четвертаго вселенскаго собора, при чемъ соборъ сдѣлалъ внушеніе священнымъ лицамъ, что они только тогда могутъ вступать въ распоряженіе мірскими дѣлами, когда будутъ призваны по закону къ попечительству надъ малолѣтними или, по порученію епископа града, будутъ имѣть попеченіе о церковныхъ дѣлахъ, или о сиротахъ, и вдовахъ безпомощныхъ, и о лицахъ, которымъ особенно нужно оказать церковную помощь ради, страха Божія. Или, напр. узнавъ о вкравшемся обычаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по которому епископы рукополагали пресвитеровъ и діаконовъ, не имѣя для нихъ опредѣленныхъ приходоу, четвертый вселенскій соборъ 6-мъ правиломъ воспретилъ таковымъ рукоположеннымъ священнодѣйствіе,

имѣли не болѣе семи діаконовъ. Такъ, весьма обширная во 2 и 3-мъ вѣкахъ церковь римская имѣла у себя до 48 пресвитеровъ, а діаконовъ не рѣшались ставить болѣе семи. Въ 3-мъ вѣкѣ многія обширныя христіанскія церкви, вида совершенную невозможность для семи діаконовъ исполнить всѣ возложенныя на нихъ обязанности, рѣшились лучше ввести новую церковнослужительскую должность—виодіакона, чѣмъ измѣнить седмичное число діаконовъ.

къ посяраженію рукоположившихъ. Особенно строго слѣдила вселенская власть за такими злоупотребленіями, которыми прямо нарушалось апостольское преданіе. Напримѣръ— въ нѣкоторыхъ церквахъ вкрался обычай, по которому діаконы, пользуясь близостію къ епископу, сами приступали къ евхаристіи прежде пресвитеровъ, и усвоили себѣ право приобщать ихъ, а иногда даже приобщались св. Таинъ прежде епископовъ (конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда первенствовала при священнослуженіи митрополитъ), и занимали мѣста на ряду съ пресвитерами, а иногда сядились даже выше ихъ¹⁾. Первый вселенскій соборъ, преслѣдуя такое нарушеніе учрежденнаго апостолами іерархическаго порядка, строго внушаетъ діаконамъ помнить, что они принадлежатъ къ низшей іерархической степени—и угрожаетъ имъ, за незаконное притязаніе, лишеніемъ правъ, усвоенныхъ степени діаконой (пр. 18-е). А шестой вселенскій соборъ повелѣваетъ низводить діаконовъ, за такую дерзость и своеволіе, на самую послѣднюю церковнослужительскую степень (прав. 7-е).

Замѣчая, при перемѣнѣ обстоятельствъ, нужды церкви въ новыхъ правилахъ, высшая церковная власть немедленно

¹⁾ Причина такого злоупотребленія заключалась въ томъ, что діаконы въ тѣ времена были помощниками епископа по дѣламъ церковнаго управленія, пресвитеры же помогали епископу въ ученіи и священнодѣйствіяхъ. А въ послѣдующія времена діаконамъ поручались важныя должности при епископахъ, митрополитахъ и патріархахъ, каковы напр., должности—эконома, экдиака, хартофилакса, синкелла, и т. п., при чемъ пресвитеры и даже епископы становились въ нѣкоторую отъ нихъ зависимость. На это послѣднее обстоятельство въ своемъ правилѣ указываетъ и шестой вселенскій соборъ. Въ одномъ только случаѣ этотъ соборъ дозволяетъ діаконамъ удерживать преимущество предъ пресвитеромъ, именно,—когда они представляютъ на соборѣ лице епископа.

но издастъ таковыя. Такъ съ развитіемъ монашества въ православной церкви, начиная съ IV вѣка, является множество соборныхъ постановленій относительно правъ, обязанностей и образа жизни иноковъ, и относительно подчиненія ихъ мѣстнымъ церковнымъ властямъ, относительно устройства монастырей, имущества монастырскаго, относительно принятія въ монашество (IV-го всел. соб. прав. 4. 8. 12. 23; VII-го всел. соб. прав. 12. 13. 19; двукратн. соб. прав. 1; VI-го всел. соб. пр. 40; Васил. Велик. пр. 18. 19). Съ теченіемъ времени развившаяся и утвердившаяся связь церкви съ государствомъ вызвала вселенскую власть издавать новыя постановленія, опредѣляющія степень участія гражданской власти въ дѣлахъ церковныхъ. Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ она устраняетъ вмѣшательство гражданской власти, какъ напр. въ дѣлѣ поставленія іерархическихъ лицъ (Апостол. прав. 30; 1 всел. соб. прав. 4-е; VII-го всел. соб. прав. 3-е); въ иныхъ случаяхъ разрѣшаетъ церквамъ обращаться за помощью къ гражданской власти,—какъ напр., при наглости и всебуйности еретиковъ (карѳаг. соб. прав. 104 е), а также для истребленія укоренившихся языческихъ обычаевъ. Особенно же много правилъ вселенская власть издавала относительно порядка іерархическаго. Она строго блюла три іерархическія степени, установленныя апостолами, и не прибавила къ нимъ ни одной новой священнослужительской должности^{*)}.

Но всѣ правила касаются порядка и благочинія священныхъ лицъ, ихъ правъ собственно въ дѣлѣ управления

^{*)} Учрежденныя послѣ временъ апостольскихъ должности: вподіакона, чтеца, пѣвца, пономаря и другія, суть должности церковнослужительскія, освящаемыя не таинствомъ, а только благословеніемъ епископа. Они поставлены въ помощь тремъ степенямъ богоучрежденной іерархіи, преимущественно діаконой.

церковію. Она нѣкоторымъ епископамъ усвоила почетныя названія, какъ то: митрополита, патріарха, опредѣлила въ точности права и обязанности первенствующихъ епископовъ, сообщивъ имъ не только преимущества чести, но и власти; учредила порядокъ кафедръ высшихъ іерарховъ—равныхъ между собою, поставивъ первымъ римскаго, вторымъ константинопольскаго, третьимъ александрійскаго, четвертымъ артіохійскаго, пятымъ іерусалимскаго (I всел. соб. прав. 6. 7; II всел. соб. прав. 3-е; IV всел. соб. прав. 28; VI всел. соб. пр. 36-е); строго опредѣлила границы пяти патріархатовъ (II всел. соб. пр. 2), и на будущее время издала правила относительно раздѣленія патріархатовъ на митрополіи (VI всел. соб. прав. 38-е), предписавъ въ этомъ раздѣленіи сообразоваться съ гражданскій и земскимъ распредѣленіемъ областей, а также, для предупрежденія всякихъ не оумѣній и споровъ, утвердила самостоятельность нѣкоторыхъ епископскихъ кафедръ, какъ напр. кипрской (III всел. соб. прав. 8; VI всел. соб. пр. 39). Въ 16-мъ столѣтіи вселенская власть утвердила самостоятельность русской церкви, поставивъ ей патріарха, и запечатлѣла это утвержденіе соборнымъ актомъ, подписаннымъ восточными патріархами, въ которомъ разъяснила равноправность російскаго патріарха съ прочими патріархами и назначила ему мѣсто въ ряду ихъ. А въ первой половинѣ 18-го столѣтія та же вселенская власть, новымъ соборнымъ актомъ, утвердила переименованіе патріаршеской власти, въ русской церкви, во власть синодальную, признавъ святѣйшій правительствующій Синодъ братомъ вселенскихъ патріарховъ. Въ новѣйшее время вселенскою властію признана самостоятельность церковей—авинской, сербской; въ настоящее же время она занимается рѣшеніемъ вопроса о самостоятельности церкви болгарской. Вселенская власть издала много правилъ относительно избранія и рукоположенія епископовъ, касательно

ихъ взаимныхъ отношеній и предѣловъ власти ихъ въ епархїи, — а также опредѣлила права и обязанности всѣхъ подчиненныхъ епископу священнослужителей и церковнослужителей. При изданіи законовъ относительно порядка въ управленіи церковномъ, вселенская власть, примѣняясь къ современнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ, иногда измѣняла и даже отмѣняла прежнія постановленія вселенской власти, коль скоро находила ихъ неприложимыми при современныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр. опредѣленіе о томъ, чтобы двукратно были въ году помѣстные соборы (Апостол. прав. 37-е; I всеел. соб. пр. 5-е; II всеел. соб. пр. 6-е; IV всеел. соб. пр. 19 и проч.), отмѣнено шестымъ вселенскимъ соборомъ въ силу того обстоятельства, что по разнымъ препятствіямъ предстатели церквей не имѣютъ возможности исполнять это, и постановлено: »для могущихъ возникнуть церковныхъ дѣлъ, въ каждой области всемирно быть собору единожды въ лѣто« (прав. 8-е). Равнымъ образомъ апостольское правило о томъ, чтобы церковное имущество было въ полномъ распоряженіи епископа безъ всякаго посторонняго контроля, Господу только надзирающему (Апост. прав. 38, 41), отмѣнено четвертымъ вселенскимъ соборомъ по той причинѣ, что вслѣдствіе умноженія церковныхъ имуществъ, отъ установившихся постоянныхъ доходовъ и отъ приобрѣтенія недвижимыхъ владѣній, управление ими потребовало болѣе порядка, строгости и отчетности, чѣмъ въ первые три вѣка — и потому стало невозможно для одного епископа. Соборъ постановилъ: »всякой церкви, имѣющей епископа, имѣти изъ собственнаго клура иконома, который бы распорядкался церковнымъ имуществомъ подъ вѣдѣніемъ епископа (прав. 26-е). »Постановленія апостольскія«, 85-мъ правиломъ апостольскимъ признанныя за непрерываемое руководство для епископовъ, вторымъ правиломъ шестаго вселенскаго собора отмѣнены, какъ поврежденныя еретиками.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что власть вселенская имѣла право измѣнять изданные ею законы, даже такіе, которые были запечатлѣны авторитетомъ апостольскимъ.

Во 2-хъ, вселенская церковная власть имѣетъ право *верховнаго, окончательнаго, безапелляціоннаго суда*. Судъ свой она произноситъ надъ цѣлыми соборами помѣстными; такъ осуждены были соборы: тирскій и другіе, созванные противъ св. Аванасія великаго, созванные Несторіемъ патріархомъ константинопольскимъ, Діоскоромъ—александрійскимъ, императоромъ Константиномъ Копронимомъ, и многіе другіе еретическіе, которые вселенская власть, не удостоивъ названія соборовъ, назвала скопищами. Она произноситъ судъ надъ цѣлыми церквами, связывая или разрѣшая ихъ; такъ она осудила церкви армянскую, яковитскую, коптскую, персидскую и римскую, уклонившіяся въ ересь. Въ настоящее время занимается рѣшеніемъ вопроса о соединеніи англиканской епископальной церкви съ православною, при посредствѣ святѣйшаго всероссійскаго Синода, къ которому англиканская церковь съ первой половины столѣтія не однократно обращалась съ своими прошеніями. Она же судитъ верховныхъ представителей церкви—патріарховъ, и въ случаѣ виновности, низвергаетъ ихъ съ престола; такъ она низвергла Несторія, Діоскора и многихъ другихъ; и не только за еретическія мнѣнія такъ строго судила ихъ, но и за ошибки въ дѣлахъ правленія церкви,—такъ ею низверженъ былъ Никонъ патріархъ всероссійскій. Она даже произноситъ свой судъ на мертвыхъ пастырей и учителей: такъ было произнесено ею проклятiе на папу Опрію, Сергія константинопольскаго патріарха, и Оригена. И напротивъ, она даетъ разрѣшеніе осужденнымъ мѣстною соборною властію или даже вселенскою; такъ напр. она сняла клятву съ знаменитаго патріарха константинопольскаго Кирилла Лукариса, осужденнаго и низверженнаго на соборѣ констан-

тинопольскомъ за сочувствіе будто бы кальвинскимъ заблужденіямъ. Она также разрѣшила нашего патріарха Никона, возвративъ ему санъ—послѣ его смерти.

ПРАВИЛА ОСТОРОЖНОСТИ ВЪ УЧЕНИИ О НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ВЪРЫ, НАБЛЮДАВШІЯСЯ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ.

Письменность первыхъ вѣковъ христіанства, а также и памятники христіанскаго искусства полны таинственныхъ образовъ и выраженій, — аллегорія и символизмъ встрѣчаются въ нихъ повсюду и постоянно; въ твореніяхъ древнихъ отцевъ и учителей Церкви то и дѣло находимъ прикровенность или и совершенное молчаніе относительно нѣкоторыхъ предметовъ вѣры, а произведенія христіанскаго искусства, въ собственномъ смыслѣ, представляютъ совокупность однихъ іероглифовъ и загадокъ, ключемъ которыхъ владѣютъ только посвященные. Чѣмъ объяснить этотъ замѣчательный фактъ въ исторіи христіанской Церкви?

Мы впали бы въ грубую ошибку, если бы стали объяснять его дѣломъ простаго случая, или произвола; нѣтъ, это было дѣломъ систематическаго и обдуманнаго плана, внушеннаго первоначальной Церкви Христовой тѣми опасностями и тѣми безчисленными кознями, которыя она необходимо встрѣчала въ своемъ положеніи среди языческаго міра. Большая часть отцевъ Церкви видятъ указаніе на этотъ планъ, или даже наставленіе въ слѣдующихъ словахъ Иисуса Христъ: *не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онъ не попралъ его ногами* (Мтѣ. VII, 6). По крайней мѣрѣ неоспоримо то, что слѣды этой практики находятся въ первыхъ письменныхъ памятникахъ христіанскаго преданія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ невѣроятно, чтобы эта практика — хранить въ тайнѣ отъ непосвященныхъ извѣстные предметы вѣры, или облекать ихъ таинственными покроями, существовала въ смыслѣ положительнаго закона съ самаго перваго вѣка христіанской Церкви, — чтобы апостолы, а равно и ихъ непосредственные преемники думали окружать такимъ таинственнымъ покровомъ христіанское ученіе и обряды, хотя, надобно сказать, ученіе ихъ и было предлагаемо по правиламъ мудрой постепенности, какъ это очевидно открывается изъ слѣдующихъ словъ св. апостола Павла: *и я, братіе мои, не могъ говорить самъ, какъ людямъ духовнымъ, но какъ еще плотскимъ и какъ младенцамъ о Иисусѣ Христѣ* (1 Кор. III, 1). Изъ многихъ мѣстъ *Дѣяній Апостольскихъ* такъ же видно, что проповѣдь св. Павла была основана на этихъ началахъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что эта практика въ ученіи истинамъ вѣры въ первенствующей Церкви Христовой отнюдь не была на столько рѣшительною и обязательною, чтобы никогда не допускала исключеній; напротивъ, эти исключенія дѣлались всегда, когда того требовало благо самой христіанской религіи. Тогда таинства христіанской вѣры были выражаемы прямо и всеародно, не только предъ оглашенными, но даже предъ самыми врагами. Нерѣдкіе примѣры на это представляютъ собою христіанскіе апологеты, которые часто для того, чтобы опровергнуть клеветы, направленныя противъ вѣрующаго, — особенно клеветы, которыя были основаны на измѣненіи или переименованіи христіанскаго ученія, не имѣли другаго болѣе сильнаго средства, чѣмъ всецѣлая и вполне искренняя откровенность въ изложеніи христіанскихъ истинъ. Быть осторожиѣе въ сообщеніи этихъ истинъ, скрывать ихъ подъ таинственными покроями или же совсѣмъ проходить молчаніемъ, Церковь первыхъ вѣковъ христіанства научилась изъ тѣхъ горькихъ опытовъ, которые она

скоро испытала отъ своей доврчивой гласности. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ параллель, проведенная между христіанскими апологетами третьяго вѣка, которые часто на укоризны язычниковъ отвѣчая, только взаимными укорами, относительно многихъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія сохраняютъ крайнюю осторожность, — и между святымъ Іустиномъ, жившимъ полвѣка прежде, который о предметахъ вѣры Христовой выражается весьма ясно, особенно относительно ученія о святой Троицѣ и о таинствѣ святой Евхаристіи.

Но какъ бы то ни было, правила осторожности въ ученіи о нѣкоторыхъ предметахъ христіанской вѣры въ первенствующей Церкви Христовой имѣли свою цѣлью — сохранить отъ идолопоклонниковъ и даже частью отъ оглашенныхъ тѣ святая истины христіанской вѣры, которыя, при ложномъ пониманіи однихъ, могли сдѣлаться предметомъ посмѣянія, — а при неопытной и недостаточно твердой вѣрѣ другихъ, оказаться слишкомъ стрѣгимъ испытаніемъ для нихъ.

Тертуллианъ, говоря объ этой осторожности въ первенствующей Церкви Христовой относительно ученія о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, выводитъ отсюда даже аргументъ противъ разныхъ неосновательныхъ обвиненій вѣрующихъ язычникамъ, такъ какъ эти обвиненія были направлены противъ такихъ священнодѣйствій, которыхъ ни одинъ христіанинъ не могъ открывать. »Если мы скрыты, говорить христіанскій апологетъ; то какъ же можно видѣть то, что мы совершаемъ? Кто могъ открыть это? Подлинно, это не наши сопричастники, потому что таинства вѣры по самому существу своему обязываютъ къ тайнѣ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ²⁾ онъ даже считаетъ однимъ изъ признаковъ ере-

¹⁾ Apologet. VII.

²⁾ De praescript. adv. haeret. XLI.

сей своего времени то заблужденіе, по которому нѣкоторые отвергли эту, какъ онъ говоритъ, спасительную дисциплину храненія нѣкоторыхъ предметовъ вѣры въ тайнѣ отъ язычниковъ и частію отъ оглашенныхъ: »Я не опущу описанія жизни еретической, такъ выражается онъ, сколько она ничтожна, сколько въ ней земнаго, человѣческаго; она не имѣетъ ни степенности, ни авторитета, ни дисциплины..... И прежде всего, кто у нихъ оглашенный, и кто правовѣрующій? Такое жителство не надежно: ибо всѣ входятъ (т. е. во святое мѣсто), безъ различія, всѣ слушаютъ вмѣстѣ, всѣ молятся равно; если же случится при этомъ вдругъ нѣсколько язычниковъ, то бросаютъ святыню псамъ и бисеръ свиньямъ, хотя и не настоящіе»,

Кромѣ приведеннаго свидѣтельства, можно указать еще на другое, рѣшительное до послѣдней очевидности: это дѣленіе катихизацій (наставленій въ вѣрѣ) святаго Кирилла іерусалимскаго. Первыя катихизаціи, произнесенныя предъ оглашенными, не заключали въ себѣ ни одного слова, относящагося къ таинствамъ вѣры и особенно къ таинству святой Евхаристіи: катихизаціи втораго класса, именно тѣ, которыя великимъ епископомъ первенствующей церкви Христовой были посвящены наставленію однихъ вѣрныхъ, или крещенныхъ, напротивъ, выражаются относительно этихъ же самыхъ таинствъ столь яснымъ образомъ, что ничего нельзя желать больше. Поэтому-то великій святитель совѣтуетъ никогда не сообщать этихъ послѣднихъ поученій оглашеннымъ и недостаточно еще усвоившимъ себѣ тайны христіанской вѣры. »Когда катихизація рассказана, говоритъ онъ, то въ случаѣ, если какой нибудь оглашенный спроситъ тебя: что говорилъ учитель, ничего не открывай этому человѣку внѣшнему«.....

Теперь посмотримъ, какіе именно предметы христіанской вѣры сохранялись въ тайнѣ отъ язычниковъ и частію

отъ оглашенныхъ, или же предлагались подъ извѣстными таинственными образами и выраженіями.

Прежде всего и главнымъ образомъ это были глубочайшія и высочайшія тайны христіанства, особенно таинство Святой Троицы. Св. Амвросій говоритъ ¹⁾, что послѣ полученій и наставленія въ крестильняхъ, отославши оглашенныхъ, онъ передавалъ символъ вѣры однимъ основательно приготовленнымъ къ принятію истинъ христіанства. Таковы были тѣ, которые, достигнувъ послѣдней степени состоянія оглашенія, должны были, наконецъ, пріобрѣсти познаніе въ символъ вѣры, чтобы больше всего научиться изъ него таинству Святой Троицы, во имя которой они имѣли быть крещены. Такая осторожность въ ученіи церкви соблюдалась какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, что можно видѣть изъ 19 главы первой книги церковной исторіи Созомена, гдѣ онъ заботится объяснить, что если онъ опустил помѣстить въ своей книгѣ символъ Никейскій, то это онъ сдѣлалъ по тому вѣроятному предположенію, что его книга попадетъ въ руки тѣхъ, которые еще не посвящены въ таинства христіанской вѣры. О той же осторожности въ ученіи о таинствѣ Святой Троицы можно заключить такъ же изъ книги Оригена противъ Цельса ²⁾, гдѣ онъ, перечисляя многія изъ таинствъ символа вѣры, которые ни отъ бога не скрывались, именно—рожденіе Спасителя, Его крестное распятіе, Его воскресеніе, послѣдній судъ и наше будущее воскресеніе, нисколько не упоминаетъ при этомъ о таинствѣ Святой Троицы. Но возможно ли допустить, чтобы онъ забылъ упомянуть о немъ, если бы оно было въ числѣ тѣхъ, которыя могли быть открываемы всѣмъ? Наконецъ, укажемъ здѣсь еще на свидѣтельство святаго Ки-

¹⁾ Epist. XXXIII. Ad. Marcellin.

²⁾ Liber. I.

рилла иерусалимскаго 1), отличающееся особенною ясностью и полнотою. Вотъ что говоритъ великій святительъ первенствующей Церкви Христовой: «Никогда не обидѣно творено какому бы то ни было азычнику или сокровеннѣйшемъ таинствѣ Отца, Сына и Св. Духа; мы не говоримъ о немъ открыто даже предъ оглашенными; но часто говоримъ съ сокровеннымъ образомъ,—такъ что понимаютъ и вѣрующіе, которые знаютъ самое существо дѣла;—и тѣ, которые еще недостаточно приготовлены къ этому пониманію, не соблазняются отъ преждевременнаго откровенія».

Точно такъ же только достаточно приготовленнымъ въ познаніи истинъ христіанской вѣры передавали и тексты молитвы Господней—*Отче нашъ*...., на которую, во всей первенствующей Церкви Христовой, смотрѣли не только какъ на руководство къ молитвѣ, но скорѣе какъ на священную формулу молитвы, которую должно было читать точъ въ точъ такъ, какъ она вышла изъ устъ Спасителя. Поэтому только новокрещенный, вышедши уже изъ купели, стоя произносилъ молитву, которой научилъ Спаситель, какъ говорится въ *Апостольскихъ постановленіяхъ* 2). Только одному вѣрному исключительно предъ всѣми, даже предъ оглашенными, дозволялось читать эту молитву, потому что онъ одинъ только, въ качествѣ сына Божія чрезъ крещеніе, могъ взывать къ Богу: *Отче мой!*.... Она была собственно молитвою вѣрныхъ какъ говоритъ святой Златоустъ. Поэтому-то оглашенные, во время молитвы, хотя и простирали руки къ Богу, но голову должны были держать нѣсколько наклоненною, между тѣмъ какъ крещенные и глаза свои устремляли къ небу, гдѣ пребываетъ Отецъ ихъ.

1) Catech. VI.

2) Apost. constit. lib. VII. 44. См. такъ же у Златоустаго бесѣду VI.

Кромѣ того, таинства церкви, всё безъ исключенія, во всемъ, что касается ихъ обрядовъ и сущности, такъ же хранились въ тайнѣ отъ невѣрныхъ и частію отъ оглашенныхъ, или же прикрывались таинственнымъ покровомъ. Василій великій, говоря вообще о всѣхъ таинствахъ церкви, особенно о таинствѣ крещенія, евхаристіи и муропомазанія, выражается такимъ образомъ: «ученіе о томъ, чего не позволено было знать непосвященнымъ, неприлично было публично разглашать въ письмени»¹⁾. Въ частности, относительно крещенія мы находимъ свидѣтельство у блаженнаго Феодорита, Кирилла александрійскаго, Златоуста, Григорія Назіанзина и у многихъ другихъ. Блаженный Феодоритъ²⁾, намѣреваясь говорить о крещеніи, замѣчаетъ: «Здѣсь мы особенно имѣемъ нужду въ языкѣ мистическомъ». Кириллъ александрійскій, въ свою очередь, въ одномъ мѣстѣ³⁾ объясняетъ, что онъ проходитъ молчаніемъ то, что весьма трудно для уразумѣнія относительно таинства крещенія, опасаясь, чтобы открытіемъ язычникамъ священныхъ предметовъ не оскорбился Христосъ, который сказалъ: «не бросайте святыни псамъ». . . . Святой Златоустъ, въ своей сороковой бесѣдѣ на первое посланіе къ коринтянамъ, о томъ же предметѣ выражается такъ: «хочу говорить (о таинствѣ крещенія), но не смѣю въ присутствіи тѣхъ, которые не посвящены въ таинства вѣры», и проч. . .

Что же касается до высочайшаго таинства христіанской вѣры—до таинства святой евхаристіи; то кто не знаетъ тысячи тѣхъ предосторожностей, съ какими говорили о немъ отцы Церкви?! Они почти никогда не означали его собственнымъ именемъ, но единственно символическими выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: *«благо по преимуще-*

¹⁾ De spirit. S. ad Amphiloeh. XXVII.

²⁾ Decret. c. XVIII.

³⁾ Liber I. Contra Sulian.

ству», τὸ ἄγαθόν, или: »великая жемчужина тѣла Агнца«, какъ называетъ его святой Фортунатъ, согласно съ восточными литургіями ¹⁾, и проч..... Палладій въ своемъ сочиненіи »Жизнь св. Златоустаго«, желая передать объ оскверненіи крови Иисуса Христа въ церкви константинопольской, по случаю народнаго смятенія, замѣчаетъ только, что »символы были разлиты«. Вообще свидѣтельства отцевъ Церкви о той таинственности, какою окружено было таинство святой Евхаристіи въ первенствующей Церкви Христовой, отличаются такою очевидностію и силою, что самые диссиденты, стоявшіе противъ христіанскаго преданія относительно таинственнаго ученія вообще, не могли не согласиться, что это ученіе всегда имѣло мѣсто, когда рѣчь шла о таинствѣ Евхаристіи ²⁾. По ихъ собственному признанію, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно даже поверхностнаго знакомства съ отеческими твореніями. Такъ, кому не извѣстны слѣдующія слова блаженнаго Августина: »таинства вѣрныхъ не передаются оглашеннымъ«, или: »оглашенные не знаютъ того, что получаютъ христіане« ³⁾. Св. Златоустъ прямо говоритъ: »таинство Евхаристіи.... знаютъ одни посвященные« ⁴⁾. Св. Кириллъ іерусалимскій ⁵⁾, обращаясь къ тѣмъ, которые должны были вскорѣ креститься, такимъ образомъ утѣшаетъ ихъ въ ожиданіи этого надеждою будущиѣхъ откровеній: »посвященные, говоритъ онъ,

1) Carmen XXV. Подробное раскрытіе символическихъ образовъ и аллегорій, употребившихся для означенія высочайшаго таинства Евхаристіи какъ на языкѣ письменномъ, такъ и на памятникахъ христіанскаго искусства, будетъ изложено нами въ особой статьѣ о древне-христіанскомъ религіозномъ символизмѣ.

2) Bingham. IV p. 128.

3) Tract. XCVI. in. Iohan.

4) Homil. LXXII. in. Matth.

5) Catech. I. Ad baptizand.

знають естество *этой чаши*, и вы также вскорѣ узнаете его«. Въ словахъ и бесѣдахъ, произнесенныхъ имъ предъ оглашенными, безпрестанно встрѣчаются выраженія, показывающія, что св. учитель не все говоритъ своимъ слушателямъ: »вѣрующіе знаютъ, или-посвященные знаютъ, о чемъ мы говоримъ,—я говорю вѣрнымъ .. ¹⁾ и проч...« Если спросятъ оглашеннаго, говорить въ другомъ мѣстѣ епископъ иппонійскій ²⁾, вѣруетъ ли онъ во Іисуса Христа, онъ тотъ часъ отвѣчаетъ: да; но если спросятъ его: вкушаешь ли ты плоть Сына человѣческаго,—онъ не понимаетъ, что мы говоримъ«.—»Что есть сокровеннаго и негласнаго въ церкви, говорить тотъ же отецъ Церкви? Таинство крещенія, таинство Евхаристіи; наши добрыя дѣла видятъ язычники, но наши таинства отъ нихъ сокровенны ³⁾. »Мы совершаемъ святыя Тайны при закрытыхъ дверяхъ, говорить Златоустъ, и тѣмъ, которые еще не посвящены, мы не позволяемъ присутствовать при этомъ ⁴⁾. Между другими дѣлами, которыя предписаны діаконамъ въ *апостольскихъ постановленіяхъ* (11, 57) на нихъ возлагается не только высылать изъ церкви непосвященныхъ, но еще смотрѣть за дверями церкви, чтобы невѣрные не вошли въ нее украдкою, во время совершенія святой Евхаристіи. Поэтому-то мы видимъ, съ какою строгостію св. Епифаній и блаженный Іеронимъ осуждаютъ маргіонитовъ за то, что они при совершеніи таинствъ позволяли присутствовать оглашеннымъ, вмѣстѣ съ вѣрными, безъ различія, не зная такимъ образомъ одного изъ существеннѣйшихъ правилъ Церкви.

1) Bona. De rebus liturg. I. C. 16.

2) Tract. II in. Johan.

3) In. Psalm. CIII.

4) Homil. XXIII in. Matth.

Далѣ, отъ глазъ язычниковъ и оглашенныхъ сохранялось въ тайнѣ и совершеніе таинства святаго муропомазанія. Св. Василій великій ¹⁾ даетъ намъ понятъ, какая крайняя осторожность была наблюдаема относительно этого таинства, когда говоритъ, что непосвященнымъ не позволено было видѣть мѣра, сохранявшагося для этого таинства: »Что касается, говорить онъ, до самаго помазанія святымъ масломъ, то кто смѣлъ когда нибудь говорить объ этомъ открыто?« Папа Иннокентій 1-й, отвѣчая Децентію, епископу эвгубійскому, на вопросъ о формѣ таинства муропомазанія, говоритъ: »Я немогу сказать тебѣ словъ sacramentalныхъ, опасаясь того, какъ бы не явиться предателемъ скорѣе, чѣмъ совѣтникомъ ²⁾).

Подобная осторожность была наблюдаема и относительно посвященія въ священныя должности, о которыхъ не позволялось разсуждать не только въ присутствіи язычниковъ, но и оглашенныхъ. Мы находимъ слѣдующее правило объ этомъ въ дѣяніяхъ лаодикійскаго собора ³⁾: »да будетъ запрещено, говорится въ пятомъ канонѣ означеннаго собора, совершеніе посвященія въ священныя чинъ въ присутствіи слушающихъ«. Когда св. Іоаннъ Златоустъ публично говоритъ объ обрядахъ и торжественныхъ молитвахъ, употребившихся при посвященіи въ духовный санъ кого либо изъ избранныхъ, то, имѣя въ виду оглашенныхъ, выражается темно ⁴⁾: »Тотъ, кто призвалъ посвятить кого нибудь въ священныя чинъ, говоритъ онъ, во время совершенія обряда взываетъ къ молитвамъ вѣрующихъ, и—вѣрующіе, одобряя своимъ согласіемъ выборъ посвящаемаго,

) De Spirit. Sanct. C. XXVIII.

) Epist. I. C. 3.

3) Canon. V.

4) Homil. XVII. In 2 Epist. ad Cor.

произносятъ слова, которыя понимаются одними вѣрными. Ибо не позволено открывать всего въ присутствіи непосвященныхъ».

Наконецъ, къ числу священныхъ предметовъ, сохранившихся въ тайнѣ отъ язычниковъ и оглашенныхъ, относилось такъ же таинство елеопомазанія, что можно заключить изъ слѣдующихъ словъ св. Василія великаго: »Чье слово когда нибудь говорило о помазаніи елеемъ? Въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы какой отецъ Церкви когда нибудь относительно этого таинства выражался ясно предъ оглашенными, или невѣрными, и чтобы сакраментальныя слова его были гдѣ нибудь записаны. Блаженный Августинъ¹⁾ говоритъ, что мы различныя таинства принимаемъ различнымъ способомъ: »Однѣ, какъ вы знаете, принимаются нами устами, другія—всѣмъ тѣломъ.« Очевидно, здѣсь онъ прикровеннымъ образомъ означаетъ таинство свѣтѣйшей Евхаристіи, которую вѣрующіе принимаютъ устами, и потомъ елеопомазаніе, которое получается всѣми частями тѣла. Блаженный Иеронимъ такъ же не яснѣе выражается о послѣднемъ таинствѣ; то, что онъ говоритъ о немъ, по поводу объясненія слова *оливковое дерево*, въ толкованіи на 14 главу пророка Осія, это то, что оливковый плодъ »есть тотъ, которымъ помазываютъ сражающихся въ циркѣ, in agone certantes«. Другіе отцы Церкви, греческіе и латинскіе, относительно таинства елеопомазанія наблюдаютъ ту же осторожность. . . .

Кромѣ общихъ побужденій, въ слѣдствіе которыхъ въ первые вѣка Церкви Христовой развилась практика таинственного ученія о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры,—побужденій, указанныхъ нами выше, были еще другія, вытекавшія совершенно изъ другаго источника. Именно: прежде

1) Enarrat. in psalm. CXLI.

всего учителя вѣры, въ случаѣ прямого и открытаго изложенія христіанскихъ истинъ и обрядовъ во всей ихъ простотѣ, опасались, чтобы эта простота не возбудила недоумѣвающейаго изумленія, или даже соблазна въ глазахъ тѣхъ, которые не успѣли еще проникнуть во внутренней смыслъ новой религіи; а это очень легко могло случиться, такъ какъ христіанскіе обряды представляли собою поразительный контрастъ съ тѣми пышными церемоніями, и особенно жертвоприношеніями, которыя до того времени видѣли оглашенные въ іудействѣ и язычествѣ. Іоаннъ Златоустъ выражаетъ эту мысль въ 23 бесѣдѣ на евангеліе Матѳея. »Мы совершаемъ таинства, говоритъ онъ, *при закрытыхъ дверяхъ* не потому, чтобы полагали въ нашихъ таинствахъ какую нибудь слабую сторону, но потому, что тѣ, которымъ мы не позволяемъ быть во время совершенія ихъ, еще слишкомъ слабы, чтобы имъ присутствовать при нихъ«¹⁾.

Вторымъ побужденіемъ для учителей вѣры — хранить въ тайнѣ отъ невѣрныхъ и оглашенныхъ нѣкоторые священные предметы, каковы, напримѣръ, таинства, было желаніе пріобрѣсти со стороны не посвященныхъ должное къ нимъ уваженіе. Такъ Василій великій говоритъ: »почитаніе таинствъ сохраняется умолчаніемъ о нихъ«²⁾. Блаженный Августинъ³⁾ выражаетъ ту же мысль въ слѣдующихъ словахъ: »вы не должны, говоритъ онъ, удивляться, возлюбленные, братія, если мы, по совершеніи даже таинствъ, ничего вамъ не сказали объ этихъ таинствахъ,—если тотъ часъ не дали вамъ объясненія того, что мы совершаемъ. Это—потому, что вещи столь свѣтыя и столь Божественныя, каковы таинства, мы должны обрывать почестями благоговѣйнаго молчанія«.

1) Homil. XXIII in Matth

2) De Spirit. S. XXVII.

3) Serm. 1 inter. 40 a Sirmond. edit. t. 40.

Наконецъ, свидѣтельство отцевъ Церкви дастъ намъ право сказать, что ученіе о таинствахъ церкви, и особенно о крещеніи и Евхаристіи, хранили въ тайнѣ отъ оглашенныхъ за тѣмъ, чтобы болѣе подстрекнуть ихъ любознательность и воспламенить ихъ благочестивую ревность возможно скорѣе приготовить себя къ участию въ нихъ и для этого охотнѣе потрудиться въ уразумѣніи первоначальнаго ученія о нихъ. »Если таинства вѣрныхъ, говоритъ св. Златоустъ, не открыты оглашеннымъ, то это не потому, чтобы они не могли сохранить въ себѣ познаніе ихъ, но потому, чтобы они желали этого познанія ихъ съ жаромъ, соразмѣрнымъ съ тою заботливостію, какую прилагали для того, чтобы скрыть ихъ отъ нихъ«¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: »Иудеи не знаютъ священства по чину Мельхиседекову. Я говорю: если есть что нибудь, чего не понимаютъ тутъ оглашенные, то пусть они сбросятъ съ себя свою лѣность и посидѣшатъ къ усмотрѣніюэтихъ вещей«²⁾. И еще въ третьемъ мѣстѣ³⁾: »тѣ, которые не вкушаютъ еще, пусть сидѣшатъ къ пиру, къ которому они приглашены. Вотъ приближается Пасха, приготовь себя ко крещенію. Если недостаточно праздника, чтобы подстрекнуть тебя, добудь любознательностію уразумѣніе того, что мы выражаемъ слѣдующими словами: *тотъ, кто пьетъ Мою плоть и пьетъ Мою кровь, пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ*«.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что таже необходимость храненія въ тайнѣ нѣкоторыхъ предметовъ вѣры, о которомъ мы только что говорили, даетъ себя замѣтить и на памятникахъ христіанскаго искуства. Больше всего этого видно въ скульптурѣ, въ живописи и разныхъ надписяхъ въ римскихъ катакомбахъ, гдѣ ничего не было

1) Homil. XCVI. In Johan.

2) Homil. CIX.

3) De verb. Domini. homil. XLVI.

допущено такого, что въ глазахъ нечестивыхъ, которые увядкою входили въ эти священные склепы, могло-бы обнаружить тайну священныхъ предметовъ. Тутъ невидно было ни распятія, ни креста, по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ періодѣ времени, ни изображеній мученичества. Замѣтно даже, что въ скульптурѣ саркафаговъ символическіе, или таинственные образы гораздо болѣе пригрошены, чѣмъ въ живописи и на простыхъ надгробныхъ камняхъ подземныхъ кладбищъ. Причина тому, конечно, та, что скульптурныя изображенія находились или на поверхности земли, или въ верхнихъ кладбищахъ, или даже во внутренности базиликъ, а потому и должны были болѣе сообразоваться съ условіями тайны и символическихъ изображеній.

II. Озерецкій.

(О РАЗВИТИИ РЕЛИГИОЗНАГО ЧУВСТВА У ДѢТЕЙ ¹⁾).

Достигши такой степени умственного развитія, на которой является потребность вдумываться въ причины явленій природы, дитя вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ мало по малу входить въ общественную жизнь. Общество для него ограничивается кружкомъ сверстниковъ и общественная жизнь выражается въ общихъ дѣтскихъ играхъ и забавахъ, въ разнообразныхъ столкновеніяхъ дѣтей между собою. Этотъ маленький міръ въ существенныхъ чертахъ представляетъ подобіе общественной жизни взрослыхъ людей. Здѣсь также есть свои радости и печали, удачи и неудачи, интересы частные и общественные, столкновенія враждебныя и дружественныя, размолвки и примиренія. Потому здѣсь также открывается обширное поле для обращенія дѣтскаго сердца

¹⁾ См. № 2-й.

къ Богу, для вкорененія въ немъ надежды на Бога, любви къ нему и благоговѣйной преданности Его волѣ, и заботливость родителей о правильномъ развитіи дѣтей найдетъ здѣсь много средствъ для развитія и укорененія въ нихъ религіознаго чувства. Но если міръ физической природы преимущественно даетъ указанія на творческую силу Божию и соответствующія ей свойства Божественнаго Существа, то въ міръ общественной жизни людей преимущественно открывается вседѣющее, всеобъемлющее и всеблагое Промышленіе Божіе. Здѣсь-то дитя, при благоразумномъ руководствѣ родителей, привыкаетъ не только дѣйствію, но и соврѣнные мысли, чувства и желанія свои считать открытыми предъ Богомъ и сообразовать ихъ съ заповѣдями Божиими. Здѣсь оно съ малолѣтства приучается всѣ свои духовныя силы посвящать на служеніе божественной истинѣ и правдѣ и во всемъ вседѣло предаваться всеблагой волѣ Божіей. Слѣдовательно, то время, когда дитя впервые вступаетъ въ общеніе съ своими сверстниками по возрасту, представляетъ весьма важный моментъ въ его религіозномъ развитіи.

Но здѣсь столько же малополезны, по своей несообразности со степенью умственнаго развитія дѣтей, катехизическія и отвлеченныя объясненія о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, сколько малополезны они и при первомъ знакомствѣ дитяти съ природой. Какъ тамъ, такъ и здѣсь необходимо пользоваться *частными случаями* для сообщенія дитяти понятій о промыслѣ Божіемъ, потому что дитя еще не въ силахъ отвлекаться мыслию отъ частныхъ случаевъ и возвышаться до пониманія законовъ общественной жизни. Отнеслось дитя съ любовію и довѣріемъ къ своему товарищу и встрѣтило съ его стороны злобу и обманъ, подѣ влияніемъ горькой досады явилось въ дитяти стремленіе отомстить товарищу за обиду, опечалилось

дитя неудачей въ какомъ нибудь дѣлѣ, или возгордилось своимъ успѣхомъ; всѣ подобныя частныя случаи даютъ прекрасный поводъ для внушенія того, что Богъ видитъ и знаетъ мысли и чувства людей, что онъ не благоволяетъ къ злымъ людямъ и не помогаетъ ихъ предпріятіямъ, напротивъ, добрымъ оказываетъ Свое благоволеніе и помощь, что отъ Его благодати зависятъ наши успѣхи, и самыя неудачи Онъ обращаетъ во благо людей и т. п. Разумѣется, подобныя внушенія тѣмъ сильнѣе будутъ дѣйствовать на дѣтей, чѣмъ религіознѣе сами родители и чѣмъ больше видятъ дѣти въ жизни ихъ примѣровъ глубокой преданности волѣ Божіей.

Подобныхъ случаевъ для укрѣпленія въ дѣтяхъ религіознаго чувства можетъ представиться огромное количество въ общественной жизни дѣтскаго кружка, если только родители не тяготеютъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, относительно воспитанія дѣтей, если они не усильно наблюдаютъ за своими дѣтьми и за отношеніями ихъ къ обществу товарищей. Но при этомъ нужно дѣйствовать такъ, чтобы надзоръ родительскій не выражался въ грубыхъ формахъ и не тяготилъ дѣтей, чтобы они видѣли въ родителяхъ не начальниковъ, непрерывно надзирающихъ за ними и при первомъ поводѣ готовыхъ къ наказанію, но ближайшихъ друзей и совѣтниковъ своихъ, искренно сочувствующихъ всѣмъ ихъ маленькимъ радостямъ и печалямъ. Только при этомъ условіи дѣти будутъ обращаться къ своимъ родителямъ съ полнымъ довѣріемъ и искренностью, и откроютъ имъ свое сердце, для насажденія въ немъ любви къ Богу и преданности Его волѣ.

Совступленіемъ дитяти въ общеніе съ сверстниками по возрасту, становится возможнымъ и необходимымъ дѣятельное участіе его въ общественной молитвѣ. Въ раннюю пору жизни потребности дитяти ограничивались его одиночнымъ существованіемъ. Оно нуждалось въ удовлетвореніи только такъ на-

зываемыхъ первыхъ потребностей жизни, отъ которыхъ зависитъ жизнь каждаго отдѣльнаго живаго существа, т. е. нуждалось въ чистотѣ и теплѣ, въ пищѣ и питъѣ и т. п. Потому и молитвенное обращеніе его къ Богу было самое простое и одиночное, обнимало только нужды его одного, не касаясь другихъ людей, объ интересахъ и нуждахъ которыхъ дитя не имѣло еще никакого понятія. Теперь, со-вступленіемъ въ общество сверстниковъ, дитя опытнымъ образомъ узнало, что и у другихъ людей есть разныя потребности и нужды, что и въ удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни нуждается не оно одно, а въ равной степени и всѣ другія дѣти, что самое удовлетвореніе разныхъ потребностей и нуждъ совершается несравненно успѣшнѣе при общемъ дружескомъ содѣйствіи. Теперь у дитяти явились общественные интересы, теперь оныи научилъ его при исполненіи какого—нибудь дѣла искать помощи своихъ товарищей и въ свою очередь имъ оказывать въ нужномъ случаѣ содѣйствіе. Соответственно этому и молитвенное обращеніе дитяти къ Богу измѣняетъ свой одиночный характеръ на общественный, начинаетъ обнимать собою нужды не его одного, но и другихъ дѣтей. Дитя во время молитвы воспоминаетъ о добромъ товарицѣ, оказываетъ ему услугу, и призываетъ на него благословеніе Божіе; воспоминаетъ о бѣдномъ товарицѣ, котораго оно часто видитъ голоднымъ, плохо одѣтымъ, и молится Богу о помощи этому бѣдняку. И много подобныхъ практическихъ поводовъ для молитвы Богу о товарищахъ встрѣтится дитяти при разнообразныхъ столкновеніяхъ съ ними. Это важный пунктъ въ религіозномъ развитіи дѣтей, и родители должны обращать на него все свое вниманіе. Въ это время они встрѣтятъ много частныхъ случаевъ для того, чтобы наглядно объяснить дѣтямъ силу общественной молитвы и чрезъ это, безъ всякаго принужденія и насилія, приучить ихъ къ дѣятельному участию въ ней. Это время представить родителямъ много удобныхъ случаевъ для того, чтобы вкоренить въ дѣтяхъ любовь ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ добрыхъ и злыхъ качествъ, ихъ дружественныхъ или враждебныхъ къ намъ отношеній. При этомъ могущественнымъ пособіемъ могутъ послужить рассказы о жизни Спасителя, о томъ, съ какою безиредѣльною любовью Онъ относился ко всѣмъ безъ различія людямъ, о томъ, какъ

Онъ обличалъ людей, гордящихся своими добродѣтелями, и какъ былъ милостивъ къ грѣшникамъ, о страданіяхъ, принятыхъ имъ на Себя для искупленія людей отъ грѣха. Вообще это время дастъ заботливымъ родителямъ возможность укрѣпить въ дѣтяхъ *дѣятельное благочестіе*.

Такимъ образомъ дитя, знакомясь постепенно съ міромъ природы и вступаая въ общеніе съ своими сверстниками по возрасту, наглядно, въ дѣйствительныхъ и живыхъ примѣрахъ, усвоитъ себѣ понятія какъ о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, такъ и о томъ, каковы, по заповѣдямъ Божиимъ, должны быть отношенія человѣка къ Богу и ближнимъ. Понятія эти не только будутъ усвоены умомъ дитяти, но будутъ, такъ сказать, прочувствованы имъ и проникнуты всею его желанія и дѣйствія. Тѣмъ-то и отличается указанной нами практическій путь религіознаго развитія дѣтей отъ катехизическаго, отвлеченнаго изложенія понятій о Богѣ, что при послѣднемъ эти понятія усваиваются только умомъ и проявляются только въ формѣ знаній, тогда какъ въ первомъ случаѣ религіозное развитіе обнимаетъ собою все духовное существо и выражается не только въ знаніи, но и въ дѣятельномъ благочестіи. Когда такимъ образомъ дитя постепенно и практически, при благоумномъ руководствѣ родителей, будетъ утверждено въ вѣрѣ въ Бога и любви къ Нему и ближнимъ, когда все духовное существо его будетъ проникнуто искреннимъ благочестіемъ и глубокою преданностію волѣ Божіей: тогда сама собой явится въ немъ потребность болѣе обширныхъ и точныхъ свѣдѣній о Богѣ, и тогда-то настанетъ пора для систематическаго изложенія православно-христіанскаго вѣро— и право—ученія. Послѣднее будетъ въ этомъ случаѣ естественнымъ и необходимымъ вѣнцомъ всего религіознаго развитія. Но послѣднее уже выходитъ за предѣлы первоначальнаго воспитанія дѣтей, которое собственно составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

II. P.